

А. И. Куляпин¹

Алтайский государственный педагогический университет

Диалог с Гоголем в рассказе В. М. Шукшина

«Мой зять украл машину дров!»

Статья посвящена анализу гоголевских реминисценций в рассказе В. М. Шукшина «Мой зять украл машину дров!». Сюжет, в центре которого оказывается мечта «маленького человека» о новом пальто, не может не вызывать ассоциаций с повестью Н. В. Гоголя «Шинель», откуда в шукшинский рассказ перешло и несколько важных деталей. Концовка рассказа также типологически близка развязке повести, где в финале мелкий чиновник Акакий Акакиевич после смерти превращался в грозного мстителя и судию. Подобная метаморфоза происходит с шукшинским героем Веней Зяблицким, когда этот, по сути, «маленький человек» преодолевает свой страх и начинает обвинять и судить сильных мира сего.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, Н. В. Гоголь, сюжет, портрет героя, «маленький человек», символ.

A. I. Kulyapin

Altai State Pedagogical University

DIALOGUE WITH N. V. GOGOL IN THE STORY OF V. M. SHUKSHIN

«MY SON-IN-LAW STOLE A TRUCKLOAD OF FIREWOOD!»

The article is devoted to the analysis of Gogol's reminiscences in the story of V. M. Shukshin "My son-in-law stole a truckload of firewood!" The plot that centers on the dream of a "little man" about a new coat, cannot but evoke associations with the story "The Overcoat" by N. V. Gogol. This connection is also observed in several important details that passed over from Gogol's to Shukshin's story. The ending of the story is also typologically close to the denouement of Gogol's story, where in the finale the small official Akakiy Akakievich after his death turned into a formidable avenger and judge. A similar metamorphosis occurs with Shukshin's hero Venay Zyablitsky, when this essentially "little man" overcomes his fear and begins to blame and judge the powers that be.

Keywords: V. M. Shukshin, N. V. Gogol, a plot, a portrait of a hero, the "little man", a symbol.

Исследователи творчества В. М. Шукшина неоднократно пытались выявить влияние на его малую прозу произведений Н. В. Гоголя и чаще всего указывали на рассказы «Гоголь и Райка» (1968) и «Забуксовал» (1973), где диалог с классиком шел «напрямую». В нашей работе речь пойдет о скрытых реминисценциях из хрестоматийной гоголевской повести «Шинель» в рассказе Шукшина «Мой зять украл машину дров!» (1971).

¹ Александр Иванович Куляпин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета.

История создания этого рассказа достаточно необычна. Толчком к его написанию стало реальное событие из жизни школьного товарища Шукшина – Вениамина Михайловича Зяблицкого, который во время случайной встречи в Горно-Алтайске рассказал писателю о сложностях своей семейной жизни: «Стал он расспрашивать меня про жизнь у тещи, почему она, теща, как он выразился, такая “крутая на пятках” <...>

Рассказал я Васе и про то, как она однажды меня выгнала и выбросила на улицу мое пальто. “И тебя выброшу за этим пальтом!” – кричала. Я в общем-то трусил – тоже был ниже ее ростом, но хорохорился.

Когда я все это рассказывал, Вася хохотал до слез. И вот чем это потом обернулось – родился рассказ “Мой зять украл машину дров”.

В 1972 году я приехал в Москву, Вася пригласил меня к себе домой. Подает журнал: “На, почитай”. Читаю: “Веня Зяблицкий, маленький человек, нервный, стремительный, крупно поскандальил дома с женой и тещей...” И так далее. Я насмеялся, потом и говорю: “Ну, Вась, ну чо ты тут наплел? Я же тебе совсем не так рассказывал, а ты тут насочинял. И теща у меня не такая уж плохая”. А он отвечает: “Сочинять тоже надо уметь! – И раскатился своим смехом: – Ха-га-ха! Потом будешь вспоминать о теще – посмеешься хоть. А если написать, как у тебя было, тебе не интересно будет читать”» [Он похож на свою родину, 1989, с. 64].

Процесс претворения действительности в художественный текст протекал в данном случае нетривиально, что наглядно демонстрирует преобразование творческих принципов Шукшина к началу 1970-х годов по сравнению с его ранними рассказами. Сохранив неизменным имя своего друга и некоторые детали его истории, Шукшин, тем не менее, создает текст, безусловно ориентированный на «язык культуры». Уже в первой фразе рассказа, называя своего героя «маленьким человеком», писатель вводит литературный код. Сюжет, в центре которого «маленький человек», мечтающий о новом пальто, не может не вызвать гоголевских ассоциаций. Помимо общей сюжетной канвы Шукшин использует целый ряд деталей из повести «Шинель» (1842).

Самая важная для интерпретации рассказа параллель относится к хрестоматийно известному «гуманному месту» этой повести. Шукшин был внимательнейшим читателем и интерпретатором произведений Гоголя. И, конечно же, его внимание не могла не привлечь знаменитая гоголевская «формула окаменения». Как убедительно продемонстрировал Ю. В. Манн, сущность всех сцен, когда герой Гоголя вдруг превращается в неподвижную статую, «не только в том, что они закрепляют устойчивый комплекс чувств перед лицом таинственно-странного, но и в том, что предполагается участие самой высшей силы. Иначе говоря, предполагается непосредственное вмешательство в сюжет носителей высшей (злой или доброй) силы» [Манн, 1988, с. 374].

У Шукшина в роли носителя высшей (здесь, несомненно, злой) силы выступает прокурор, которого писатель, закрепляя гоголевские ассоциации, наделяет запоминающейся портретной характеристикой: «Брови у него черные,

густые, чуть срослись на переносице» [Шукшин, 2014, с. 244–245]. Как известно, густые брови – единственная запоминающаяся черта у прокурора из поэмы «Мертвые души». В последней ее главе Чичиков так подведет итог жизни прокурора: «...а ведь если разобрать хорошенько дело, так, на поверку, у тебя всего только и было, что густые брови» (VII, 219–220).

В сцене суда, выслушав речь прокурора, герой рассказа «Мой зять украл машину дров!» переживает сильнейшее духовное потрясение, подобное тому, что испытывают персонажи Гоголя: «Его сковал ужас... Не ужас перед тюрьмой <...> Его охватил ужас перед этим мужчиной. Он так в него всмотрелся, что теперь, когда его уже не было за столом, видел его, как живого: спокойный, умный веселый... И доказывает, доказывает, доказывает – надо сажать. Это непостижимо <...> Раньше Веня часто злился на людей, но не боялся их, теперь он вдруг с ужасом понял, что они бывают – страшные» [Шукшин, 2014, с. 244].

В повести «Шинель» подобное «прозрение» через «высшее потрясение – удар» переживает молодой человек, «который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним (Акакием Акакиевичем.– А. К.), вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех как будто всё переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей <...> И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным» (III, с.143–144).

Акакий Акакиевич обретает шинель непрерывным трудом и ценой суровой аскезы: «...он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели» (III, с. 153). Герой Шукшина на пути к воплощению своей мечты о кожанке также должен пройти через этап аскетического очищения. «Копил, копил, елки зеленые!.. после бани четвертинку жадничал выпить...» – откровенничает Веня [Шукшин, 2014, с. 239].

В гоголеведении прочно утвердилась религиозная трактовка образа главного героя повести. «Мир Акакия Акакиевича – это мир иноческой аскезы, точнее, мир послушания и смирения, мир бесстрастия», – подчеркивает итальянский славист Чинция де Лотто [Лотто, 1993, с. 61]. «Что такое жизнеописание Акакия Акакиевича, как не гимн смирению и терпению? Что такое новая шинель, как не дьявольский соблазн, разрушающий душу героя?» – вторит ей отечественный исследователь [Карасев, 1993, с. 90]. Из этой логики вытекает, что функцию беса-искусителя в повести выполняет портной Петрович. «В “Шинели” есть и соблазнитель – портной Петрович, который <...> символизирует <...> сатану или, вернее, мелкого беса», – не без оснований считает Ливия Звонникова [Звонникова, 2017].

Шукшинские «мелкие бесы» чаще выступают не только в роли искусителей, но еще и провокаторов. Таков товарищ Вени Зяблицкого Колька Волобуев. Этот персонаж появляется в рассказе сразу после того, как Веня мысленно поминает черта. «На какой черт тогда и родиться такой?» – думает Веня про тещу. Шукшин

привносит в характеристику Кольки элемент необычности: он «как-то странно всегда говорит – почти не раскрывая рта. И смотрит на всех снисходительно, чуть сощуриив глаза» [Шукшин, 2014, с. 240]. Узнав о ссоре Вени с женой и тещей, Колька предлагает ему выпить, а потом начинает учить его: «– Вливание надо делать. Только следов не оставляй. А то они заклюют тебя. Старуха полезет, шугани старуху разок-другой... А то они совсем на тебя верхом сядут. Как ишак работаешь на них...»

У Вени мстительно взыграла душа...» [там же].

Поддавшись искушению-провокации, Венья и совершает преступление, разрушившее его жизнь. Корень зла – в Вениной мечте «когда-нибудь надеть кожанку и пройтись в выходной день по селу в ней нараспашку» [там же, с. 237]. Недаром после вынесения приговора Венья проклинает как раз это свое «греховное» желание, видя в нем первопричину жизненной катастрофы: «Какая все-таки жизнь! – в один миг все сразу рухнуло. Да и пропади бы он пропадом, этот кожан! И что вдруг так уж захотелось купить кожан? Жил без него, жил бы и дальше» [там же, с. 244].

В основе рассказа «Мой зять украл машину дров!» не только курьезное происшествие с Вениамином Михайловичем Зяблицким, но и эпизод из жизни самого автора. В ноябре 1970 г. в парижском ресторане случайно был испорчен плащ Шукшина: «Хозяева тут же предложили Васе взамен дорогую дубленку, а мы искренне завидовали и горевали, что не наши пальтишки горели. А он – ни за что. Что я, нищий, говорит, воротник подверну и буду ходить. Так и проходил весь Париж в плаще с прогоревшим воротником» [Панфилов, 1979, с. 259]. Шукшин, в отличие от Акакия Акакиевича и Вени Зяблицкого, искушению не поддался.

Концовка рассказа «Мой зять украл машину дров!» типологически сходна с развязкой «Шинели». Крах мечты Вени Зяблицкого и последовавшее за этим вмешательство представителей власти провоцируют бунт героя. Акакий Акакиевич в финале «Шинели» из забитого, униженного человека по смерти превращался в грозного мстителя и судию. Подобная метаморфоза происходит с Веньей Зяблицким.

В концовке рассказа прокурор и Венья как бы меняются местами. На мосту через реку Ушу Венья бросает руль, машиной управляет теперь прокурор, а функция обвинения переходит к «маленькому человеку». В первоначальной редакции рассказа, сохранившейся в архиве писателя, Венья еще и приводил (как в «Шинели» – уже после своей смерти!) в исполнение «приговор». Там история заканчивалась трагически: машина с Веньей и прокурором падала с моста в реку, герои погибали: «Оба – водитель и пассажир – были мертвы. Причем у водителя смерть наступила еще до того, как машина ушла в воду: разрыв сердца. Пассажир пытался открыть дверцу, но ее заклинило, очевидно, при ударе о перила. Он хотел выбить стекло (обе руки его были изрезаны в кровь), выбил, но только часть, не все – не успел. Захлебнулся» [Аннинский, 1993, с. 594].

Ситуация своевольного захвата Веньей Зяблицким судебных прерогатив удвоена Шукшиным. Сначала она предстает в карнавализованном варианте (Венья «арестовывает» тещу, заколов ее в уборной), а в конце – в драматическом.

Концептуальную значимость приобретает в рассказе оппозиция «смех / страх». Страх – это и орудие, и опора власти. Венина теща когда-то была активисткой раскулачивания, позже помогла посадила мужа и зятя, и хотя «Лизавета Васильевна пять лет как уже не работала, а иные с ней считались, бегали наушничать, даже побаивались» [Шукшин, 2014, с. 240]. «Странное дело», – удивляет рассказчика этот ни на чем не основанный авторитет Лизаветы Васильевны. Но удивляться нечему: это ген страха программирует поведение каждого советского человека.

Более того, власть устанавливает своего рода монополию на страх. Старый солдат Михайло Кузнецов, защищая на суде Веню Зяблицкого, вспоминает о безымянном красноармейце, испугавшемся во время атаки. На первый взгляд не совсем понятно, как этот военный эпизод можно соотнести с преступлением и наказанием Вени. Прокурор, отвечая Михайле Кузнецову, не зря говорит, что пример не к месту и тот «спутал божий дар с яичницей» [там же, с. 243]. Впрочем, сам же прокурор невольно обнажает связь двух сюжетов. Вина молодого солдата, по его мнению, заключается в том, что «он породил страх у всей роты!» [там же]. На самом деле, как это ни парадоксально, перепуганный солдатик породил у бойцов бесстрашие. Показателен тот факт, что Шукшин трижды исправлял формулировку грозящего юноше наказания. При первой публикации в журнале «Сибирские огни» эта фраза выглядела так: «За такое – расстрел на месте, но мы, которые постарше солдаты, не дали» [Шукшин, 1971, с. 22]. Перепечатав рассказ в сборнике «Характеры» (1973) писатель выражается осторожнее: «Политрук хотел под трибунал отдать, но мы, которые постарше солдаты, не дали» [Шукшин, 2014, с. 243]. А самый жесткий вариант приводит имевший доступ к рукописям Шукшина Л. Аннинский: «Политрук хотел тут же его пристрелить, но мы, которые постарше солдаты, не дали» [Шукшин, 1993, с. 119].

Преступление Вени – того же порядка. Изначально он, как все, побаивается тещи и уважает власть. Однако Веня, в отличие от многих других, сумел свой страх преодолеть. Расправу над тещей герой сопровождает откровенно смеховым жестом, надписав на двери «карцера»-уборной: «Заплонбировано 25 июля 1969 г. Не кантавать» [Шукшин, 2014, с. 241]. Показательный суд над Веней оборачивается поражением власти: односельчане вопреки оказываемому на них давлению встают на его защиту.

В последней сцене рассказа, когда Веня предложил «не ухнуть ли... с моста», он видит «большие, белые от ужаса» глаза прокурора [там же, с. 246]. – И, несмотря на смертельную опасность, Веня смеется. Только так, противопоставив смех страху, маленький человек обретает свободу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аннинский, Л. Комментарии / Л. Аннинский // Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Молодая гвардия, 1993. – Т. 3. – С. 591–605.

Звонникова, Л. Изнанка шинели. О чем же на самом деле повесть Гоголя? / Л. Звонникова // Фома. – № 2 (166). – Февраль 2017. – С. 64–73. – [Электронный ресурс]. – URL : <https://foma.ru/iznanka-shineli.html> (14.03.2020).

Карасев, Л. В. Гоголь и онтологический вопрос / Л. В. Карасев // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 84–96.

Лотто де, Чинция. Лествица «Шинели» / Чинция де Лотто // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 58–83.

Манн, Ю. В. Поэтика Гоголя / Ю. В. Манн. – Москва : Художественная литература, 1988. – 416 с.

Он похож на свою родину : земляки о Шукшине. – Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1989. – 248 с.

Панфилов, Г. Три встречи / Г. Панфилов // О Шукшине : Экран и жизнь. – Москва : Искусство, 1979. – С. 255–261.

Шукшин, В. М. Мой зять украл машину дров! / В. М. Шукшин // Сибирские огни. – 1971. – № 2. – С. 17–23.

Шукшин, В. М. Мой зять украл машину дров! / В. М. Шукшин // Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 6 т. – Москва : Молодая гвардия, 1993. – Т. 3 : Рассказы 1970-х годов. Повести для театра. – С. 112–124.

Шукшин, В. М. Мой зять украл машину дров! / В. М. Шукшин // Шукшин, В. М. Собрание сочинений : в 9 т. – Барнаул : Изд. дом «Барнаул», 2014. – Т. 5 : Рассказы 1969–1971 гг. Печки-лавочки. Иван Степанович. – С. 237–246.

REFERENCES:

Anninskiy, L. Kommentarii / L. Anninskiy // Shukshin V. M. Sobraniye sochineniy : v 6 t. T. 3. – Moskva : Molodaya gvardiya, 1993. – S. 591–605.

Karasev, L. V. Gogol' i ontologicheskiy vopros / L. V. Karasev // Voprosy filosofii. – 1993. – № 8. – S. 84–96.

Lotto, de Chintsiya. Lestvitsa «Shineli» / Chintsiya de Lotto // Voprosy filosofii. – 1993. – № 8. – S. 58–83.

Mann, YU. V. Poetika Gogolya / YU. V. Mann. – Moskva : Khudozhestvennaya literatura, 1988. – 416 s.

Он pokhozh na svoyu roдину : zemlyaki o Shukshine. – Barnaul : Altayskoye knizhnoye izd-vo, 1989. – 248 s.

Panfilov, G. Tri vstrechi / G. Panfilov // O Shukshine : Ekran i zhizn'. – Moskva : Iskusstvo, 1979. – S. 255–261.

Shukshin, V. M. Moy zyat' ukral mashinu drov! / V. M. Shukshin // Sibirskiye oni. – 1971. – № 2. – S. 17–23.

Shukshin, V. M. Moy zyat' ukral mashinu drov! / V. M. Shukshin // Shukshin V. M. Sobraniye sochineniy : v 6 t. T. 3 : Rasskazy 1970-kh godov. Povesti dlya teatra. – Moskva : Molodaya gvardiya, 1993. – S. 112–124.

Shukshin, V. M. Moy zyat' ukral mashinu drov! / V. M. Shukshin // Shukshin V. M. Sobraniye sochineniy : v 9 t. T. 5 : Rasskazy 1969–1971 gg. Pechki-lavochki. Ivan Stepanovich. – Barnaul : Izd. dom «Barnaul», 2014. – S. 237–246.

Zvonnikova, L. Iznanka shineli. O chem zhe na samom dele povest' Gogolya? / L. Zvonnikova // Foma. – № 2(166). – Fevral' 2017. – S. 64–73. [Elektronnyj resurs]. – URL : <https://foma.ru/iznanka-shineli.html> (14.03.2020).